

Мэн Чэнь последовал за Чжун Лицзином в секту Тайсюань.

Пришелец из мира смертных, он не понимал ничего и никого не знал. Старший брат Пэй Юйчжэ с Пика Небесного Откровения казался доброжелательным, но в душе был холоден и неприступен. Мэн Чэню не оставалось ничего, кроме как робко обращаться за помощью к своему учителю всякий раз, когда заходил в тупик в практике.

Со временем Мэн Чэнь постепенно понял: Чжун Лицзин не был таким недостижимым и бесчувственным, как казалось. Хотя тот уже достиг вершины мира культивации, он сам был всего лишь новичком, не разбирающимся даже в основах Очищения Ци. Каждый его вопрос был настолько наивен, что мог рассмешить кого угодно, даже ученик на стадии Закладки Основ, вероятно, не стал бы утруждать себя ответами.

Но Чжун Лицзин отвечал. На все.

Его голос оставался холодным, выражение лица - бесстрастным, но он терпеливо разъяснял каждую мелочь. Если Мэн Чэнь не понимал с первого раза, учитель объяснял во второй. Если не понимал со второго - объяснял в третий. До тех пор, пока суть не доходила до ученика.

Мэн Чэнь перестал робеть. Теперь, когда он бежал к Тайиньскому павильону, где жил Чжун Лицзин, с книгами в руках, его шаги были легки, будто он вот-вот взлетит.

Ведь ему было всего тринадцать. Сидя в одиночестве в своей комнате, он чувствовал себя невыносимо одиноким. Хотя учитель и оставался холодным, он хотя бы разговаривал с ним, и это давало Мэн Чэню ощущение, что на этом бескрайнем и пустынном Пике Небесного Откровения он не один.

Он быстро прогрессировал и постепенно узнал, что путь, которым следовал Чжун Лицзин, отличался от пути обычных культиваторов - его учитель практиковал Путь Бесстрастия.

«Высшее — забыть чувства. Быть беспристрастным, без эмоций, не колебаться от настроений, не тревожиться от переживаний. Те, кто следует Пути Бесстрастия, не могут испытывать ни радости, ни гнева, ни печали, ни счастья.» Узнав это, Мэн Чэнь сначала обрадовался: раз учитель практикует этот путь, значит, как бы глупо он ни поступал, тот не прогонит его из-за раздражения. Но затем задумался: разве хорошо не чувствовать ничего?

Ни радости, ни тепла, ни счастья... Даже боль и печаль - это часть жизни, доказательство того, что человек действительно жив. Если не испытывать ничего, не станет ли существование бессмысленным?

Даже достигнув Великого Дао, но оставшись в полном одиночестве ... какая в этом польза?

Мэн Чэнь понимал, что его рассуждения, возможно, слишком приземлённы. Такие вещи, как

счастье или печаль, наверное, вообще не имели значения для его учителя. Но он всё равно стал приходить к нему чаще. Помимо вопросов о практике, он находил любые поводы заглянуть в Тайиньский павильон, старался завязать разговор. Иногда «случайно» оставлял там то, что могло бы заинтересовать учителя:

Тарелку сладостей, которые ему особенно понравились, Игрушечного кузнечика, сплетённого по примеру деревенских детей; Бумажного журавлика, сложенного между делом...

Тихо надеясь, что хотя бы капля «человеческого тепла» коснётся того, кто выбрал путь без эмоций.

Чжун Лицзин, возможно, не замечал эти вещи. Или замечал, но не придавал значения детским безделушкам. Его отношение не менялось, он оставался таким же бесстрастным, лишённым желаний, невозмутимым Бессмертным Владыкой Чжун Ли.

Мэн Чэнь чувствовал лёгкое разочарование, но понимал: у каждого свой путь, и он не в силах изменить учителя. Тем не менее, он продолжал делать эти маленькие жесты, потому что с детства усвоил принцип: «Если кто-то был добр к тебе, ты должен ответить ему вдесятеро».

Чжун Лицзин вытащил его из грязи, дал кров, научил читать, практиковать культивацию и владеть мечом. Превратил из слабого и беспомощного в сильного и независимого, осуществил мечту, о которой он так отчаянно грезил, барахтаясь в пыли мира смертных.

Чжун Лицзин был его благодетелем и, более того, учителем, человеком, которому он поклялся посвятить всю свою жизнь в знак благодарности.

Даже когда он оказался в той пещере, искалеченный и измождённый, он не думал о самоубийстве. Потому что верил: даже если вся секта Тайсюань усомнится в нём, даже если братья, близкие как родная плоть, предадут - его учитель непременно поверит в его невиновность.

Но судьба, казалось, специально издевалась над ним.

Когда ему наконец удалось сбежать из заточения, небо неожиданно пролилось ливнем. Слабые ноги подкосились, и он рухнул в грязную жижу.

Перед ним возникли безупречно чистые облачные туфли. Сердце Мэн Чэня ёкнуло, он резко поднял голову, но не успел выдохнуть:

— Учитель...

Холодное лезвие меча уже прижалось к его горлу.

Ощущение, будто небо рухнуло, не могло сравниться с этим. В тот миг Мэн Чэнь наконец познал полное крушение и отчаяние.

— Учитель... — его тело дрожало от холода и боли, глаза, наполненные слезами, впивались в бесстрастное лицо Чжун Лицзина. — Даже ты не веришь мне?

Чжун Лицзин молча смотрел на него, остриё меча прижатое к бледной шее Мэн Чэня не дрогнуло.

— Это не имеет значения, — бесстрастно произнёс Бессмертный Владыка, стоящий над ним. — Воля Небес неоспорима.

В этих нескольких словах Мэн Чэнь понял всю правду.

Достигнув уровня Чжун Лицзина, можно было постичь волю Небесного Дао и узреть тайны, касающиеся пути культивации. Тайна, которую узнал Чжун Лицзин, гласила: один человек разрушит его Путь Бесстрастия, похоронив сотни лет практики.

Если бы другие узнали об этом, они бы сделали всё, чтобы избегать этого человека. Но Чжун Лицзин был иным - гордым и непреклонным. Он не верил, что его судьба может измениться из-за кого-то другого. Поэтому он намеренно пошёл против воли Небес, нашёл того, о ком говорило предсказание, и в ту самую снежную ночь подобрал замерзающего ребёнка, взяв его в ученики.

Это был вызов Небесному Дао. Но в итоге стало ловушкой, которую он расставил себе сам.

Когда Путь Бесстрастия дал трещину, гордый Бессмертный Владыка наконец признал, что воля Небес непобедима.

Но он не мог отказаться от Великого Дао ради ученика. Поэтому оставался лишь один выход...

Убить своего ученика, чтобы достичь Просветления.

Великое Дао по природе лишено чувств. Если его может разрушить один человек, разве тысяча лет культивации не превратится в насмешку?

Так что, даже зная, что Мэн Чэнь невиновен, даже зная, что все его страдания не имеют значения...

Чжун Лицзин знал лишь одно: если он убьёт того, кто перед ним, ничто больше не будет мешать его пути.

Мэн Чэнь слушал... и засмеялся. Слезы смешались с дождём, стекая по лицу.

— Значит, ты спас меня тогда... лишь для того, чтобы убить своими руками? — его голос дрожал, но в нём уже не было страха. — Убить меня... ради своего Дао?

Как же типично для Бессмертного Владыки Чжун Ли, почитаемого всем миром культивации. Как смешно, что он когда-то переживал, не одиноко ли учителю?

Как смешно, что он тратил силы, пытаясь хоть как-то осчастливить его.

Но Бессмертный Владыка Чжун Ли, вознёсшийся к Великому Дао, разве нуждался в таких мелочах?

— Не утруждай себя, — Мэн Чэнь схватил лезвие меча, и кровь хлынула из его ладони, смешиваясь с грязью. — Я сделаю это сам.

— Учитель... — он в последний раз поднял на него глаза. — Теперь я ничем тебе не обязан.

Десять лет заботы.

Десять лет учений.

Десять лет доброты...

Он возвращал своей жизнью.

Отныне между ними ничего не было.

Из-за неожиданного появления существа стадии Преображения в Бога в Заповеднике, что едва не привело к непредвиденным массовым жертвам, глава секты обеспокоился, что могли возникнуть и другие неконтролируемые опасности, поэтому временно приостановил его исследование.

Хотя ученики и испытывали некоторое разочарование, они понимали, что жизнь-превыше всего. Окажись они на месте той встречи с Таоти стадии Преображения в Бога, они, вероятно, были бы стёрты с лица земли без следа.

Если говорить об этом, то большая удача, что Небожитель Чжун Ли смог появиться в критический момент и уничтожить того Таоти, иначе кто знает, сколько учеников могло бы

погибнуть.

С возвращением Небожителя Чжун Ли все ученики пришли в возбуждение, особенно те, кто присоединился в последние годы. Каждому не терпелось увидеть, как же выглядит этот почитаемый Небожитель. К сожалению, покинув тайный мир, Небожитель сразу же вернулся на Пик Тяньцзи. Пока ученики вздыхали с сожалением, они не могли не испытывать сильной зависти к четырём личным ученикам Небожителя Чжун Ли с Пика Тяньцзи.

В этот момент Мэн Чэнь, находился в Павильоне Тяньинь, где проживал Чжун Лицзин.

После спасения и уничтожения того Таоти Чжун Лицзин приказал ему следовать за собой в. Мэн Чэнь молча шёл позади, тихо наблюдая за этой знакомой спиной.

В детстве, следуя за ним, он всегда ощущал высокую и величавую статью, испытывая смесь восхищения и благоговения, а также чувство абсолютной защищённости.

Юный Мэн Чэнь, ещё не столь сдержанный, как сейчас, часто радостно думал про себя: "Смотрите, такой могущественный Небожитель - мой учитель".

Он будет защищать меня, совсем как в раннем детстве защищал меня отец.

Но после того дождливого вечера всё изменилось.

Он не мог сказать, что ненавидит его. В конце концов, Чжун Лицзин действительно обучал его десять лет, и если бы не Чжун Лицзин, он бы погиб в тринадцать лет.

Но и других чувств тоже не осталось - восхищения, благоговения, привязанности... Все связи были полностью разорваны тем ударом меча. Теперь, глядя на Чжун Лицзина, он видел лишь незнакомца с знакомым лицом.

Главные ворота закрылись сами собой. Павильон Тяньинь внутри был холоден и пуст, лишь тонкие струйки белого дыма от горящего сандалового дерева в курильнице тихо вились в воздухе.

Мэн Чэнь замер у входа, опустив глаза, не проронив ни слова.

Чжун Лицзин заметил, что идущий сзади остановился, замер на мгновение и обернулся. Он увидел юношу, стоящего у двери с опущенными руками, его длинные ресницы мягко прикрывали глаза, скрывая любые эмоции. Вся его фигура излучала невыразимое чувство отстранённости и... настороженности.

Чжун Лицзин смотрел на него некоторое время, затем произнёс:

— Подойди сюда.

Мэн Чэнь слегка замешкался, но сделал шаг вперёд, всё же сохраняя дистанцию с Чжун Лицзином. Он думал, что, учитывая характер Чжун Лицзина, тот сначала проверит его успехи в учёбе и культивации, и тщательно обдумывал, как отвечать. Но затем он увидел, как Чжун Лицзин взмахнул рукой, поставив на стол два кувшина с вином.

Мэн Чэнь уставился на белый фарфоровый кувшин с резным узором из цветов персика, на мгновение погрузившись в воспоминания.

— Персиковое вино с рынка смертных, — сказал Чжун Лицзин, наблюдая за ним, его голос был холоден и чист, как родник под лунным светом. — Я помню, ты любил его.

Мэн Чэнь действительно любил это вино прежде.

Одной весной много лет назад он и его товарищи прогуляли скучный урок истории секты и вместе спустились с горы, чтобы поучаствовать в "Фестивале Ста Цветов". Гостиницы вдоль улицы продавали персиковое вино, сладкое на вкус, с лёгким цветочным ароматом. Втроём они заказали несколько кувшинов, сели у окна на втором этаже, пили и болтали, наблюдая через окно за праздничными событиями, чувствуя себя беззаботно и счастливо.

Они задержались до вечера. Мэн Чэнь спрятал два кувшина персикового вина в рукаве, намереваясь тайком пронести их в секту. Но неожиданно увидел одинокую фигуру, тихо сидящую в павильоне у Утёса Тяньцзи.

Небожитель в белых одеждах с черными как смоль волосами и серебряной короной, отчуждённый и одинокий, внушал трепет одним лишь силуэтом. Но Мэн Чэнь, наблюдая тот профиль в лучах заката издалика, почувствовал лёгкую грусть.

Пока он и его товарищи веселились, почти забыв о возвращении, его учитель оставался один на этом возвышенном и холодном Пике Тяньцзи от восхода до восхода луны.

Каждый день, каждый год - всё было одинаково.

В его сердце внезапно вспыхнуло острое чувство вины. Позабыв о возможном наказании за самовольный уход с горы, он вбежал в павильон и с глухим стуком поставил два кувшина персикового вина на каменный стол.

Чжун Лицзин, пребывавший в медитации, открыл глаза и равнодушно взглянул на Мэн Чэня. Тот, набравшись смелости, произнёс:

— Учитель, это вино, которое я купил, тайком спустившись с горы. Оно прекрасно на вкус, не желаете ли попробовать?

Он ожидал, что Чжун Лицзин проигнорирует его, но к его удивлению, взглянув на персиковое вино, тот действительно протянул руку и взял один кувшин.

Мэн Чэнь остолбенел, а затем обрадовался. Он мгновенно воспользовался техникой лёгкости, чтобы слетать за бокалами, и лично налил учителю. С надеждой в глазах он наблюдал, как Чжун Лицзин медленно отпивает, и спросил:

— Вкусно?

Чжун Лицзин поставил бокал.

— Сносно.

Мэн Чэнь знал, что такая оценка от учителя уже была проявлением снисхождения. Его всеведущий и всемогущий учитель, несомненно, побывал в бесчисленных удивительных местах этого обширного мира, пробовал множество изысканных небесных вин — как он мог по-настоящему оценить дешёвое персиковое вино с рынка смертных? Но Мэн Чэнь всё равно ликовал, налил себе полный бокал и выпил залпом, смело заявив:

— Учитель, давайте сегодня напьемся допьяна!

На самом деле Мэн Чэнь не был большим любителем выпивки, но в тот день он действительно намеревался напиться, более того, он хотел хотя бы раз увидеть Чжун Лицзина пьяным, посмотреть, не появится ли на вечно бесстрастном и холодном лице учителя хоть какое-то иное выражение.

Два кувшина персикового вина опустели быстро. Тогда Мэн Чэнь сбегал в кладовую за кувшином "Облачного Опьянения", попутно прихватив из кухни две большие пиалы. Чжун Лицзин, к удивлению, подыграл ему, позволив с озорной ухмылкой налить полную пиалу и вручить ему.

К сожалению, в итоге Мэн Чэнь рухнул на каменный стол в пьяном забытьи, так и не увидев ни малейших признаков опьянения у Чжун Лицзина.

"Не срослось", — смутно подумал он, лёжа на столе. Вероятно, на почтенного уровня Великого Совершенства алкоголь не действовал.

Последующие события стёрлись из памяти. Он лишь помнил, как проснулся аккуратно уложенным в своей обители, укрытым тонким одеялом.

Для Мэн Чэня это было целой жизнью назад. Даже в этой жизни прошло уже четыре-пять лет. Если бы никто не напомнил, он бы и не вспомнил. И вот неожиданно Чжун Лицзин принёс два кувшина персикового вина.

Это совершенно не походило на поступок Небожителя Чжун Ли.

Если бы это было раньше, он бы ликовал, но теперь...

— В те дни ученик был молод и невежествен, несдержан и непочтителен, своеволен и пристрастен к вину, — тихо произнёс Мэн Чэнь. — Теперь я уже не таков.

Чжун Лицзин всматривался в его лицо.

— Теперь тебе больше не нравится?

— Да. — После паузы Мэн Чэнь добавил: — Больше не нравится.

<http://bllate.org/book/14626/1297719>